

УДК 008

ЭКОНОМИКА И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН*

В. А. Колпаков

Институт философии Российской академии наук

Поступила в редакцию 18 декабря 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена новым проблемам, которые ставит глобальный капитализм. Они состоят в том, что страны разного уровня развития вступают во взаимодействие, имея значительные различия в экономической, культурной, политической и этической сферах. Это рассмотрено на примере неформальной экономики как в отдельных странах, так и в глобальной экономике в целом.*

Ключевые слова: *глобальный капитализм, национальный капитализм, неформальная экономика, этика.*

Abstract: *the article is devoted to some new challenges posed by global capitalism. Countries of different levels of development interact while having significant differences in their economy, culture, politics and ethics. The challenges are considered on the example of informal economy both in individual countries and in the entire global economy.*

Key words: *global capitalism, national capitalism, informal economy, ethics.*

Проблемы сегодняшнего кризиса в экономике России уходят корнями в период резкой смены парадигмы экономического развития после распада СССР и резкого перехода от социализма к капиталистической экономике, не смягченного социал-демократией как распространенным способом сделать капитализм ответственным. Сегодня этого уже не сделать, но можно внести хоть какие-то черты реальной преемственности с обществом, в котором мы жили, даже с 1990-ми гг., а по существу – с пониманием российского предпринимательства и капитализма в целом как связанных с особенностями культуры, этики и социальных отношений в российском обществе.

Старые и новые вопросы

3

Участвуя в Московском экономическом форуме, мы с коллегами выступили в 2014 г. с идеей, что стабилизация – явление временное [1]. Речь шла о Западной Европе, мировой экономике. Экономическая ситуация в России тогда была относительно устойчивой. Нами поднимался вопрос о том, что более важно в этот период – стабилизация или рост? На аналогичном форуме в 2015 г. мы обратились к новым проблемам.

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15–03–00580.

Среди них – кризис нашей экономики и антикризисная политика, или иначе: можем ли мы достичь стабилизации экономики как предпосылки ее роста монетаристским путем или нужна новая экономическая политика; насколько объективен и насколько рукотворен текущий обвал российского рубля; какова наша альтернатива теперешней российской экономической политике; проблемы выхода из кризиса как вопросы практики, теории и честности, да – честности – как морального условия успешности экономического развития [2].

Вопрос о честности в экономических отношениях на Западе сегодня редко ставится, поскольку представляется не свойством отдельных агентов экономических отношений, а чертой западного капитализма, выработанной в ходе его исторического развития. Такой капитализм трактуется, по сути, как заменяющий (как сегодня уже кажется, должен быть заменяющим) нечестную наживу, обман, маргинальные способы обогащения и прочее воплощением экономических мотивов в формы цивилизованного капитализма с его саморегуляцией, бюрократическими ограничениями, выращиванием автономного и ответственного индивида, а также формированием этоса капитализма, как это определял М. Вебер. Однако по мере расширения сферы капитализма в XXI в. за пределы своего сложившегося западного ареала и вступления в него незападных стран из разных регионов с несовпадающей культурной спецификой появляются сферы нечестной наживы в новых странах капитализма. Глобализация способствует взаимодействию стран старого и нового капитализма и взаимному обмену зрелыми, цивилизационно вызревшими и новыми незрелыми формами капиталистических отношений, в том числе и усилением мотива наживы любой ценой в этих двух мирах. В обществах, которые объединяют традиционные отношения с рыночными (в Азии, Африке, Латинской Америке) нередко возникают непривлекательные отличия как от традиционных, так и от современных обществ.

Российская экономика в большом объеме сохраняет черты экономики с неустойчивым этосом, со взяточничеством, nepотизмом, мздоимством, использованием власти или финансового положения для продвижения своих людей, товаров, денег, криминального господства. Особо важную роль играют nepотизм, клановость, коррупция, неадекватные закону способы обогащения и распространенный образ капиталиста как богатого бездельника.

Даже убрав из обсуждения криминальные и аморальные аспекты, оказавшись в относительно здоровом спектре свободных экономических отношений, стоит обратить внимание на то, что отличие российского капитализма – в полюсах его государственной и неформальной формы. Неформальные секторы в экономиках самых разных стран, включая западный центр капиталистической мир-системы, в XXI в. формируются и распространяются столь динамично, что напоминают времена первоначального капиталистического накопления. А дни в сегодняшней России приобретают сходство с 1990-ми гг. в России посткоммунистической. По-

явление и распространение секторов неформальной экономики в условиях экономического кризиса становится трендом в экономиках стран миросистемы (как в странах давнего и нового капитализма, так и в докапиталистических странах, для которых это привычно). Это ведет к эрозии цивилизационного потенциала капитализма и актуализирует задачу формирования национальных моделей модернизации, относительно управляемых экономической политикой государства и общественных организаций, правовыми регуляциями и моральной оценкой народа.

Развитие тренда неформальной экономики во многом обусловлено воздействием глобализации, которая трансформирует рынки национальных государств в поисках возможности их включения в мировой рынок. Даже в развитых странах Запада, где экономика подверглась капиталистическому регулированию и формализации, растет сектор неформальных хозяйственных отношений, облегчающий экономические взаимоотношения с незападным миром и смягчающий системные напряжения западного капитализма в условиях глобализации, включающей во взаимодействия самые разные общества и экономики.

Новый этап глобализации в XXI в. привел к повсеместному распространению институтов рыночной экономики не только на глобальном, но и на национальных уровнях, способствующих развитию секторов, продукция которых востребована на мировом рынке. Формирование таких капиталистических ареалов – постоянная забота государственного администрирования, поскольку конечный продукт для внешнего рынка, будь то сырье или высокотехнологическое изделие, согласно законам рыночной экономики, должны быть конкурентоспособны, а для этого требуются инвестиции в технологии, в инновации и прочие инструменты, поддерживающие это качество продукта. Однако в результате ориентации на привлекательный для новых капиталистов глобальный рынок хозяйственная система на национальном уровне часто приводит к возникновению конгломерата экономических укладов, концепцию которых еще в 30-е гг. прошлого века разработал наш соотечественник А. Чайанов.

В качестве иллюстрации, полагаем, достаточно привести пример Китая, где экономика развивается по кластерному типу: высокотехнологичные компании, работающие на экспорт, расположены в основном вдоль береговой линии; огромная масса семейных хозяйств в аграрных районах, работающих не на прибыль, а на выживание семьи в условиях ограниченного земельного надела. По мнению целого ряда исследователей, в Китае осуществилась «революция прилежания», институциональным центром которой выступали домохозяйство и сельская община, обеспечившие как первоначальное накопление капитала, так и последующий подъем экономики Китая и других стран этого региона с похожим типом семейно-крестьянских хозяйств, чьи смысл и цель жизни заключались в выживании, а не в извлечении прибыли [3, с. 43].

А. Чайанов не рассматривал внешние силы, воздействующие на динамику местных экономик. Он даже утверждал недостаточность одних только категорий экономической науки, развитой для изучения капи-

талистических хозяйств, для анализа той реальной в онтологическом плане экономики, которая складывалась, в частности, в России, бывшей преимущественно аграрно-крестьянской страной того времени [4]. Актуальность его идеи о методологической ограниченности экономических теорий современного ему капиталистического формализованного мейнстрима для объяснения процессов трансформации локальных хозяйственных систем сегодня вполне очевидна и разделяется многими учеными [5; 6]. Уже в начале 1970-х гг. К. Харт предложил учитывать взаимоотношения между формальными и неформальными секторами для объяснения экономических явлений в странах Африки [7] вместо принятой в то время дуалистической модели «современная – традиционная экономика» Нобелевского лауреата по экономике 1979 г. А. Льюиса [8]. Согласно подходу Харта неформальная экономика служит пассивным источником роста, и ее динамику следует учитывать в качестве негативного ингредиента. При всей неопределенности понятия «неформальная экономика» появились идеи, позволявшие объяснить процессы экономических изменений под воздействием внешних сил мирового рынка, в борьбу за который включились в то время африканские страны. Возможно, именно этот процесс привлек большое внимание к концепции неформальной экономики, прежде используемой для анализа маргинальных рынков.

Неформальная экономика: сегодняшние теории и практики

Концепт неформальной экономики был убедительно рассмотрен Т. Шаниным и С. Барсуковой. Понятие «неформальная экономика» не представлялось им и другим исследователям одним из ключевых в видении современного капитализма. Его относили к отсталым странам, третьему миру, где институционализация экономики уступала место традиционным ее проявлениям, существующим в местных общинах. Неформальная экономика здесь была продуктом слабости формальных связей государственного сектора.

Сегодня неформальная экономика получила гораздо более широкое распространение. Она не сводится к маргинальным рынкам, хотя последние остаются ее частью. Неформальная экономика стала также проблемой старых и новых капиталистических стран, некапиталистических и докапиталистических обществ, которые являются сейчас акторами глобального экономического взаимодействия – как производства (например, китайцы осваивают самые отдаленные места Африки, обучают африканских студентов в Китае, бизнесмены добывают уже привычные или дикие товары ничуть не меньше, чем в период похода за пряностями), так и туризма и путешествий (люди посещают самые отдаленные места, вплоть до территорий проживания первобытных племен), исследований (новые опасные инфекции на местах изучаются исследователями западных и незападных клиник, дикие места планеты заселяются поклонниками экзотики из других стран, в том числе и из России, например, Гоа в Индии и пр.). Согласно современным взглядам,

неформальная экономика рассматривается экономистами, социологами и другими исследователями как органическая часть *любой экономической системы*, будь то социализм, капитализм, переходная или развивающаяся экономика. Сегодня принято считать, что при любой экономике важно принимать во внимание конфигурации фрагментарных или слабо выраженных неформальных экономических отношений. Существующие экономические системы порождают собственный спонтанный (неформальный) жизненный мир, который компенсирует или смягчает системные иррациональности. Это верно и для капитализма, и для социализма [9, с. 74].

По мнению современного английского исследователя К. Калхуна, «формальному капитализму в действительности нужен неформальный сектор, чтобы поддержать базовые условия жизни во многих обществах и, соответственно, социальный мир, необходимый для процветания тех частей общества, которые основаны на законных рынках. Особенно это относится к тем частям капиталистических обществ, которые в наибольшей степени страдают от провалов формального рынка, – например, к трущобам, жители которых должны полагаться в основном друг на друга...» [10, с. 269].

Учет факторов неравномерного развития, наличия многоукладных и смешанных экономик, а главное – глобального экономического взаимодействия самых разных обществ приводит к пониманию того, что глобальная экономика не построена в целом на капиталистических основаниях, а является многоукладной. Безусловно, капитал крупных глобальных компаний преимущественно Запада и Китая вносят вклад в формы гомогенизации рынков, обменов, влияний, но они не могут устранить разнообразия укладов даже в собственных регионах и даже не стремятся к этому. С позиций социальной философии можно сделать вывод: методологический плюрализм – характерная черта современного социального познания, он позволяет построить теоретически более реалистичную картину плюрализма – хозяйственно-экономических систем для разных стран и для мира в целом.

Применение подобного методологического подхода соответствует специфике национальной модели российского капитализма, совмещающего разные – формальные и неформальные – уровни развития ее экономики. Если в 1990-е гг. это казалось признаком отсталости в капиталистическом развитии, то теперь это присуще всем странам как цена глобального взаимодействия. С одной стороны, новый поход «за пряностями» и новый «шелковый путь» – это победа капитализма, с другой – его поражение, наносимое некапиталистическими, архаическими обществами (распространение опасных инфекций, нецивилизованных нравов, наркоторговли из стран–производителей наркотиков, неконтролируемой миграции). «И поражение от победы ты сам не можешь отличать», – как говорил великий Б. Пастернак. Здесь это как нельзя кстати подходит. Урок певцам глобализации, особенно тем, кто видел в ней едва ли не переход к единой глобальной культуре, а не глобальное экономи-

ческое взаимодействие, что с научной точки зрения можно утверждать. Разнообразие неформальных экономических форм со своими многочисленными специфическими укладами сложно для концептуализации. Даже их типологизация часто представляет большую проблему, но для нашего рассуждения важно то, что такие формы укоренены в национальных экономиках и их поддерживают особые институциональные среды. Принципиальным остается тот факт, что сегодня неформальные отношения получили гораздо более широкое распространение в экономиках всех стран, чем это было до глобализации, когда капиталистическая система Запада стремилась к формализации своей экономики и очищению ее от неформальных отношений, а неформальные экономики были уделом незападных, некапиталистических и архаических обществ. Концептуальное осмысление этого нового мирового тренда расширения неформальных секторов экономики все больше перемещается в центр социально-экономических исследований. Данный процесс требует систематизации типов неформальной экономики.

Следуя логике развития понятия «неформальная экономика», выделим ряд его новых значений.

1. Традиционная экономика.

2. Экономика стран, перешедших из одной экономической системы в другую, когда формальные институциональные преобразования сохранили шлейф старых отношений или невыстроенные, эпизодические или даже уже стремящиеся к устойчивости новые отношения, возникшие из-за приспособления к тяжелой ситуации перемен. Убедительный пример – распад СССР, после которого схемы выживания не ограничивались официально предложенными, да и многое не было предложено. Коллапс СССР повлек серьезную деградацию институциональной среды как в России, так и во многих странах бывшего Союза и стран социалистической системы. Неформальный сектор, всегда де-факто присутствовавший в этих странах, в новых условиях разрушения существовавших институтов собственности и ослабления или даже полного вакуума государственной власти получил мощный импульс развития. Институты, прежде сдерживавшие этот процесс в странах с плановой экономикой, резко ослабли. Вследствие этого энергия «неформальных предпринимателей» вырвалась из-под контроля, превратив разнообразие неформальных секторов экономики за последние 20–25 лет в новую экономическую реальность на всем постсоветском пространстве и за его пределами [9].

Развитие неформальной экономики было не только продуктом слабости официальных структур, но и порождалось ростом неформальных связей, заполнявших вакуум отсутствующих установлений. Эти неформальные связи включали бартер, договоренности без контрактов, кооперативы, от которых потом не осталось и следа, денежные сделки, не сопровождаемые уплатой налогов, нелегальное использование труда мигрантов и пр. Неформальный сектор использовал некоторые старые формы и одновременно создавал новые, весьма недолговременные.

3. Ориентация при переменах на традиционные отношения: самопомощь и кооперацию, использование знакомств, личных отношений, некоторую феодализацию жизни при провозглашенном переходе к капитализму. Капитализм в городах вызывал в деревнях реакцию непонимания и традиционализацию.

4. Неформальный сектор за последние 40 лет разросся в странах капиталистической экономики как альтернатива плохой работе общественных институтов. К. Калхун приводит примеры изобретательской работы в гаражах будущих инженеров Силиконовой долины, сходное поведение специалистов в Индии и Нигерии. Здесь неформальный сектор одновременно является источником креативности и риска. Неформальная экономика или неформальный сектор – «это не только местные сети и другие альтернативные формальным рынкам и институтам, построенные на близком знакомстве. Он включает также значительные участки транснациональных капиталистических структур, которые по крайней мере отчасти работают за пределами государственных институтов и права» [10, с. 258].

5. Экономика глобального уровня, включающая взаимодействие разного типа обществ, в том числе и с преобладанием сектора неформальной экономики.

6. Нелегальная экономика, противозаконный капитализм, включающий нелегальные действия в производстве товаров и услуг, их реализации, в том числе наркотрафик, незаконная миграция, торговля людьми, бандитизм и пр. Сюда относится вся система деятельности, уходящая от налогов, связанная с разворовыванием государственной собственности. Из этого следует, что неформальная экономика незаконного сектора экономики любой страны представляет серьезное препятствие экономическому росту и при определенных условиях может в прямом смысле подчинить своим криминальным интересам многие сферы жизни общества. Подобная ситуация наблюдалась в 1980-х гг. в Колумбии, когда стремительный рост доходов наркобаронов превышал национальный доход страны и был выше доходов таких компаний, как «Дженерал Электрик» и ей подобных. Насилие, коррупция, отсутствие даже видимости социального контракта стали реалией жизни этой страны. Подобный процесс переживает сегодня Афганистан, ставший вторым по величине производителем наркотиков в мире. Разрастание нелегальной экономики в последнее время отчасти можно объяснить ростом ее финансового могущества, ее «вкладом» в мировую финансовую бизнес-модель современного капитализма. Так, сегодня доход от наркотрафика, по некоторым оценкам, составляет от 700 до 900 млрд долларов США в год, что сопоставимо с суммарным доходом от продажи нефти, который в зависимости от биржевых цен колеблется от 3 до 9 трлн долларов США в год.

7. Капитал, который проникает из неформального в законный формальный сектор, возвращает коррупцию, препятствует развитию цивилизационных форм капитализма и не может поэтому рассматриваться основанием модернизационных процессов.

Таким образом, имея в истории докапиталистических обществ длительное прошлое, неформальная экономика сохранилась и в капиталистической. Неформальная экономика, или неформальный сектор, – «это не только местные сети и другие альтернативные формальным рынкам и институтам, построенные на близком знакомстве. Он включает также значительные участки транснациональных капиталистических структур, которые по крайней мере отчасти работают за пределами государственных институтов и права» [5, с. 258].

Занимая в докапиталистическом обществе значительные позиции, неформальная экономика, таким образом, даже и в западных обществах, с одной стороны, помогает бедным слоям, мигрантам, неукоренившимся слоям, а с другой – коррумпирует, нередко криминализирует социальные отношения: «Способы организации значительной части глобальной политической экономии выходят за пределы официальной “миросистемы” национальных государств и капитализма. Столкновение государств корпораций, организованная преступность разного уровня, политическая власть военных правителей и картелей, экономическая власть полуавтономных частей государств, в том числе армии, – все это позволяет увидеть более сложный мир, угрожающий тому капитализму, который мы знаем» [5, с. 260].

Именно включенность неформальной экономики в сегодняшний капитализм любой страны позволяет увидеть, что глобализация, на цивилизующую миссию которой возлагались большие надежды, охватив мир, лишила капитализм господствующей миросистемной роли, о которой прежде писал И. Валлерстайн. Поэтому, на наш взгляд, на повестке дня сегодня – национальные модели модернизации, экономики и капитализма. Это является ключевой задачей и для России. А изучение соотношения неформальной и формальной экономики, конфигурации этих отношений – важная задача для отделения зерен от плевел – инициативы людей от их коррупционных действий.

Неформальная экономика обнаруживает особую специфику новых экономик и наличествующих старых. Под неформальной экономикой понимают «серую», «маргинальную». «Для России данную тему можно считать центральной, так как жизнь огромного большинства людей невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в неформальной экономике, и вместе с тем мы знаем о ней удивительно мало», – писал Т. Шанин на заре рыночной экономики в России [11, с. 9]. Сюда включается мелкая торговля, обмен денег и товаров на услуги и обратно, юридически неоформляемые экономические отношения. Вследствие этого возрастает сектор неформальной политики, т.е. сектор многообразных повседневных политик или практик: коррупция, необоснованность планов, волюнтаризм, попытка роста эффективности труда не путем рационализации производства, а путем его интенсификации за счет большего числа менее квалифицированных работников, бросания из крайности в крайность, немотивированных ясным для всех способом по-

ощрения и наказания. Предприниматель неформальной сферы хорошо знает ошибочность тезиса, что «рынок все исправит». Он является агентом такого рынка, который не гарантирует ни стабилизации, ни роста, ни качества, ни ответственности, ни (часто) свободы от криминала и мошеннических схем. Исправить ситуацию могут только цивилизованные рынки, основанные на инновациях. Формализация экономики в правовом и моральном плане не отменяет свободный рынок, а создает его, оставляя место более цивилизованной неформальной экономике, включающей воскресные рынки мелких производителей продуктов, продавцов рыбы, грибов, овощей, которые они наловили или вырастили сами. Нередко можно встретить примеры преимущества неформальной экономики: покупка на рынке у честного крестьянина его продукта, более качественного, чем в магазине с хорошей репутацией, где фермерские продукты не прошли медицинской проверки. В сфере инноваций и их производства можно увидеть успехи неформальной экономики. Например, С. Джобс, который развернул свои исследования, разработку изобретений в никем не контролируемом сарае. Однако это скорее всего потому, что стандарты формальной экономики США оказывали на него большее влияние, чем неформальная экономика. Примером могут быть новые российские компании «Магнит», «Яндекс», «Лаборатория Касперского», созданные за последние 20 лет. Основатель торговой сети «Магнит» – молодой человек 1967 г. рождения, создал успешную бизнес-модель развития, конкурирующую с ведущими мировыми лидерами торговых сетей. По сути, он организовал новый тип бизнеса, который превращает неформальную экономику регионов в формальную, рыночную. То же самое можно сказать и об основателях компании «Яндекс», поначалу венчурного наукоемкого бизнеса, а сегодня крупнейшего поисковика, конкурента американского «Гугл» в русскоязычном поисковом информационном поле. Инновации на рынке не продаются. Они – результат предпринимательского таланта, способности предпринимателя транслировать свой замысел или идею на язык финансовых организаций, социальных структур, ориентироваться на запросы покупателя, довести свою идею до инновационного продукта и ретранслировать в многообразные инстанции его важность.

Предприниматель встречается с массой препятствий как со стороны неформальной экономики, так и организованной бюрократии. Если неформальная экономика может столкнуть его не только с энтузиастами, стремящимися к новому качественному продукту или соблюдающими честность в отношении конкурентов, но и с опасными конкурентами, претендентами на захват их бизнеса, с криминалом, то формализованный сектор, призванный их защитить и поднять, может быть неявно криминальным путем проникновения в него опасных людей, коррумпированных с властью, злоупотребляющих должностным положением.

В России лозунг «не надо кошмарить бизнес» в условиях роста неформальной экономики чреват фальсификатами, подделками, продажей испорченных продуктов, а его сочетание с «кошмареньем» образования

и науки (проверки, отчеты, слияние в Минобрнауке Министерства просвещения, образования и Госкомитета по науке, открытие в вузах явно невузовских специальностей – туризм, гостиничный бизнес, похоронное дело, сейчас предлагается даже подготовка коллекторов – всех тех, кого можно готовить в ПТУ, техникумах, на курсах, это деформализует сферу экономики, порождает коррупцию в образовании, социальное неравенство и отсутствие доверия, являющегося основным социальным капиталом общества).

Объективные и субъективные источники нынешней экономической ситуации требуют искать выход из кризиса в сферах практики, теории и честности, т.е. моральных оснований. Кризис вызван внешними факторами, но он обнажил и внутренние факторы, часть из которых «рукотворны» – преувеличение роли сырьевой экономики и, прежде всего, нефтегазового сектора, недостаточное внимание к индустриальной модернизации и новейшим технологиям. Значение нефти в жизни страны так велико, что возник даже термин «углеродная демократия». Нехватка демократии часто связана с нефтью, ибо последняя обеспечивает жизненный уровень, не требующий борьбы за демократию. Кроме того, нефть порождает вокруг себя особые отношения. Как пишет исследователь этой проблемы Т. Митчелл, «большинство из тех, кто занят темой “нефтяного проклятия”, как иногда называют эту проблему, немного могут сказать о происхождении нефти и о том, как она добывается, распределяется и используется. Они обсуждают не нефть, а нефтяные деньги – то, что возникает после того, как нефть конвертируется в государственные доходы и частные состояния. Они связывают эти антидемократические свойства нефти с избыточными доходами... покупками политической поддержки или ослабления давления, направленного на более равноправное распределение благ, за счет подачек обществу и субсидирования цен» [12, с. 12]. «Рукотворная» нефтяная политика Норвегии в социал-демократическом духе не дает на нефти вырастать олигархам и освобождает от «нефтяного проклятия». Цитированный автор сравнивает эпоху нефти с эпохой угля, где отношения складывались сходным образом, и говорит о закате эры топлива [12, с. 402].

Внутренние причины российского сегодняшнего кризиса состоят в следующем:

а) мы не произвели новой индустриальной модернизации, называемой реиндустриализацией, или новой индустриализацией [13–16];

б) российская экономика в большом объеме сохраняет черты неформальной экономики, что будет и дальше усиливаться. Под неформальной экономикой понимают, как отмечено, «серую», «маргинальную»: «Для России данную тему можно считать центральной, так как жизнь огромного большинства людей невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в неформальной экономике, и вместе с тем мы знаем о ней удивительно мало», – писал Т. Шанин на заре рыночной экономики в России [11, с. 9].

Этика капитализма

Хотя формальная экономика существует повсюду в мире, масштаб ее присутствия различен и во многом определяет национальную специфику капитализма, включающую: развитие образования и науки; преодоление доминирования неформальной экономики и адекватного ей масштаба неформальной политики; развитие программы «Нефть для общества» с заимствованием норвежской социал-демократической модели распределения доходов от нефти; сохранение традиционной этики, ее изменение и развитие новых этических принципов, адекватных эпохе капитализма. Наиболее важной проблемой сегодня является ответ на вопрос, ожидаем ли мы национальной модели капитализма, либо изменений капитализма в целом, либо отказ от него. От этого выбора зависит очень многое. Поддерживая концепцию культурно обусловленных национальных моделей модернизации, нельзя согласиться с преодолением неудач модернизации посредством внедрения традиционных ценностей. Скорее можно сказать, что национальная модель модернизации возможна настолько, насколько в ценностях некоего общества хватает предпосылок для ее осуществления и насколько она способна в необходимых случаях преобразовать препятствующие модернизации ценности.

Для тех, кто вырос при социализме, в обществе, в основе которого лежала идея социальной справедливости, или для тех, кто рос позже, в жесткой прагматике 1990-х гг., идеологизация модернизации, ее переход из обоснованной теории в идеологию выглядит попыткой построить некую новую утопию. Признается значение далекого прошлого, но «педалируется» разрыв опыта СССР с последующим развитием России, игнорируется идея исторической преемственности (от социализма к рыночной экономической модели), являвшаяся первоочередной после распада СССР и важная сегодня для сохранения принципа справедливости и удержания лидирующих позиций России. Мы снова пытаемся построить «свой путь» на великом прошлом, которое слишком многообразно за тысячелетнюю историю России. Ведь мы могли бы в условиях рыночной идеологии продолжить развивать идеи справедливости, заимствованные не только из нашего опыта, но и из идей «этического капитализма» и других идей такого рода, сегодня широко представленных в западной экономической мысли. Кризис и санкции показали, что доступ в клуб рыночников преграждает «фейсконтроль» со стороны тех, кто реально контролирует глобальный рынок, кто доминирует в нем. В этом клубе не все равны. Альтернативу нынешней экономической политике надо искать не в экономических моделях, а в социально-философских, полит-экономических и этических концепциях.

Обращаясь к неформальной экономике, которой так насыщен глобальный капитализм, включающий недавно вступившие в него страны, мы затрагиваем и проблему этики капитализма. Она поставлена в связи с его ролью разрушения традиционных этических норм и создания новых отношений, построенных на новых этических основаниях, а также с

новыми этическими нормами, не возникающими на развалинах старых, а создающихся при условиях очевидной ясности, что ценностное поле является предпосылкой любой деятельности. Важна способность капитализма к инновациям, проявляющаяся не только в ходе его генезиса, но и в его существовании в целом, требующая как постепенного изжития устаревших этических норм, так и их замещения новыми или частично восстановленными старыми. Мы исходим из гипотезы этико-морального и экономически-социального начал в человеке и обществе, а также из того, что капиталистическому обществу потребовалась вновь (и требуется) новая этическая система.

Мы вынуждены признать, что в странах нового капитализма возобладал стандарт исключительных материальных притязаний ряда слоев, которые не являются акторами капиталистического производства. Подлинными акторами капиталистического производства обладают чертами, присущими и ученым, – они являются инноваторами и обладают исключительным интересом к получению новых результатов своей деятельности. Плохая моральная атмосфера новых капитализмов, анархия и апатия в обществах этого типа соседствуют с творческими поисками, аналогичными тем, какие были свойственны западному капитализму, но иногда с разрушительным или аморальным использованием свободы. При этом субъектом инноваций может быть только свободный индивид, оторвавшийся от представлений и правил своей общности, заново и самостоятельно осваивающий мир, наперекор природе и старым обычаям. Это называют обычно «фаустовским проектом модерна» [17]. Как показала В. Г. Федотова, это было особенно характерно для первого либерального модерна XIX в. Второй организованный модерн XX в. (после Второй мировой войны) потерял либеральные принципы и был организован посредством бюрократии, социал-демократии и технократии, но в 1970-е гг. он испытал кризис, отраженный в идеях постмодернизма. Сегодня в капитализм вступили незападные страны, начался третий модерн, обозначаемый как новое Новое время для незападных стран [18, с. 336–365].

На каждом этапе возникали этические принципы, препятствующие капитализму стать формой нецивилизованной наживы и торжества несправедливости. Однако глобализация и рост неформальной экономики повсюду, консьюмеризм выдвинули проблемы этики на передний план.

Литература

1. Федотова В. Г. Стабилизация – временное явление / В. Г. Федотова, В. А. Колшаков, Н. Н. Федотова // Мир перемен. – 2014. – № 1. – С. 106–116.
2. Федотова В. Г. Проблемы выхода из кризиса как вопросы практики, теории и честности / В. Г. Федотова, В. А. Колшаков, Н. Н. Федотова // Мир перемен (специальный выпуск). – 2015. – С. 131–138.
3. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине : Что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги. – М. : Ин-т обществ. проектирования, 2009. – 459 с.
4. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды / А. В. Чаянов. – М. : Экономика, 1989. – 492 с.

5. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ / С. Ю. Барсукова. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 448 с.
6. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем / Т. Шанин // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 57–68.
7. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana / K. Hart // Journal of Modern Africa Studies. – 1973. – Vol. 11. – pp. 61–89.
8. Lewis J. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor / J. Lewis // Manchester School of Economics and Social Studies. – 1954. – Vol. 22. – № 2. – pp. 139–191.
9. Буравой М. К теории экономической инволюции : исследование российской экполярной экономики / М. Буравой // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М. : Логос, 2002. – С. 61–83.
10. Калхун К. Что грозит капитализму сегодня? / К. Калхун // Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г. Есть ли будущее у капитализма? – М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 216–265.
11. Шанин Т. Предисловие : путеводитель к книге / Т. Шанин // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М. : Логос, 1999. – 576 с.
12. Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти / Т. Митчелл. – М. : Дело, 2014. – 408 с.
13. Федотова В. Г. Россия в глобальном и внутреннем мире / В. Г. Федотова // Модернизация и глобализация : Образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 2002. – С. 4–30.
14. Федотова В. Г. Какая модернизация и какой капитализм нужны России / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 3–12.
15. Федотова В. Г. Каковы перспективы российской экономики и жизни российских граждан? / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова // Мир перемен. – 2013. – № 1. – С. 139–147.
16. Федотова В. Г. Экономика и демократия в проекте модернизации России / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 323–332.
17. Колпаков В. А. Философия и наука в пространстве рождающейся современности / В. А. Колпаков // Вопросы философии. – 2014. – С. 54–64.
18. Федотова В. Г. Глобальный капитализм : три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 608 с.

Институт философии Российской академии наук

Колпаков В. А., доктор философских наук, заведующий сектором социальной философии

E-mail: vladi355@yandex.ru

Тел.: (495) 697-98-93

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Kolpakov V. A., Doctor of Philosophical Sciences, Head of Social Philosophy Department

E-mail: vladi355@yandex.ru

Tel.: 8 (495) 697-98-93